

Ю. В. Новак

Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск

Y. Navak

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.1:316+930.1

КРИТЕРИИ ИСТИННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

CRITERIA FOR THE TRUTH OF HISTORICAL KNOWLEDGE: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Статья посвящена проблеме определения критериев истинности исторического познания в философско-исторической традиции (на примере таких направлений, как философия позитивизма и марксизм). В качестве основного вывода выступает утверждение о том, что неэпистемологические критерии (аксиологический, социокультурный и т. п.) должны дополнять эпистемологические критерии истинности исторического знания.

Ключевые слова: критерий истинности; историческое познание; теория «охватывающего закона»; принцип деятельности.

The article deals with the problem of determining the criteria for the truth of historical knowledge in philosophical tradition (on the example of such areas as positivism and Marxism). The main conclusion is that non-epistemological criteria (axiological, sociocultural, etc.) should complement the epistemological criteria of the truth of historical knowledge.

Keywords: criterion of truth; historical cognition; theory of «covering law»; principle of activity.

Функции исторической науки редко ограничиваются сферой чистого познания. Историческое знание выполняет в некотором роде «челночное движение» между несколькими взаимосвязанными социальными сферами: сферой духовного производства (исторической наукой), сферой социального производства (образования) и сферой социального управления (властью). У каждой из этих сфер своя цель деятельности. Так, духовное производство нацелено на получение нового знания. Наиболее четко эта цель реализуется в области научной деятельности. Следовательно, одной из важнейших характеристик такой деятельности будет вопрос об объективности и достоверности получаемого знания, то есть вопрос об истинном знании.

Относительно истории некоторые исследователи напрямую указывают на факт того, что именно постановка эпистемологического вопроса есть отличительный, конститутивный критерий научной, профессиональной исто-

риографии от непрофессиональной, от «других форм литературы» [1, с. 54]. Так, А. Мегилл в своей небольшой статье, посвященной этой теме, анализирует аспект соотношения профессиональной историографии с «другими типами историографии» с точки зрения их отношения к проблеме истины. Для всех ненаучных форм исторического повествования вопрос об истине исторического знания выглядит вторичным, излишним. Упомянутая статья американского историка получает живой отклик в виде дискуссии на страницах российского философского журнала, что еще раз указывает на актуальность и своевременность обсуждаемой темы [2, с. 62–82]. Позволим себе дополнить тезис А. Мегилла о неустрашимости эпистемологического вопрошания высказыванием о важности самой формы такого вопрошания. То есть речь идет не только о проблеме истины, но и о том, как эта проблема формулируется и какие следствия это имеет для дальнейшей разработки эпистемологической тематики.

Исходя из сказанного выше, разговор об истине в истории может быть представлен в виде определенной «точки сборки» исторической науки, как движение исторической науки к самоопределению и переопределению своих возможностей и границ. Несмотря на теоретическую «медлительность», в которой историческую науку упрекают с завидным постоянством, начиная с XIX в. (с момента становления дисциплинарного исторического знания) таких «точек» у нее насчитывается несколько. Эти общие тенденции изменений в развитии исторической науки получили название различного рода «поворотов». И каждый такой «поворот» по-своему обращался к теме истины в истории. Этот вопрос и будет для данной статьи определяющим, и смотреть мы на него будем с позиции философии истории.

Концептуально историческое познание в XIX в. складывалось преимущественно вокруг двух философско-исторических парадигм, в основе которых лежали идеи либо И. Канта, либо Г. Гегеля. В этом смысле европейская философия истории этого периода была в той или иной мере репликой по поводу отношения к немецкой философско-исторической традиции. В своей философии истории Гегель пытался дистанцироваться от формализма и механицизма предшествующей эпохи Просвещения при объяснении исторических процессов. Как пишет об этом Х. Уайт, «как формализм, так и механицизм навязывали выбор между крайней тотальной несвязностью всех исторических процессов (чистая случайность) и их окончательной тотальной связностью (чистая детерминация)» [3, с. 108]. На тот момент представление о тотальной несвязности реализовывалось в романтизме, а представление о тотальной связности – в субъективном идеализме, и к обоим этим направлениям Гегель относился критически. Таким образом, если взять линию гегельянства, то в историографии XIX в. она повлияла на становление концепций историзма, марксизма и позитивизма. Линия Канта реализовалась в традиции «критики исторического разума» Баденской шко-

лы неокантианства и впоследствии герменевтического поворота в историографии. В данной статье мы рассмотрим проблему критериев истинности исторического познания, обратившись к философско-исторической традиции, идущей от гегельянства.

Историзм XIX в. основывается на философском допущении, что есть общий исторический процесс, в который вовлечено все человечество во всех трех его временных проекциях – прошлом, настоящем и будущем. И с какого бы места ты не зашел в этот исторический «поток», ты становишься его частью и принадлежишь ему, подчиняешься закономерностям его развития. Причем историческое прошлое здесь играет определяющее значение для понимания человеком своего настоящего (современного) и будущего состояния. С эпистемологической же точки зрения акценты в понимании историзма расставляются иначе.

Французский социолог и философ Р. Арон в своих «Лекциях по философии истории» указывает на несколько значений понятия «историзм». Первое из этих значений совпадает с понятием «историцизм», используемым К. Поппером, под которым понимается детерминистский взгляд на историю, реализующийся в форме исторических законов, определяющих всеобщее движение становления человечества [4]. В определении Р. Арона, историцизм – «это претензия на знание будущего и установление законов макроисторического развития» [5, с. 3]. Другое значение историзма прорабатывается в работах Э. Трельча и Фр. Мейнеке. У них историзм – это в первую очередь разговор о развитии человечества через различие эпох и обществ, через многообразие характерных ценностей каждого общества или каждой эпохи. Как следствие, подобные допущения порождают релятивизм ценностей в противоположность концепциям эпохи Просвещения, базирующимся на допущении существования универсальных ценностей человечества, предполагающих торжество разума. При таком подходе немецкие историки исходят из многообразия духовных миров, реализованных во времени [5, с. 4]. Так или иначе, историзм в обоих указанных значениях подталкивает к постановке и решению эпистемологических проблем, предлагая заново продумать достаточные основания для достоверности и истинности исторических суждений.

Позитивистская методология применительно к философско-историческому наследию Гегеля выступала в качестве ее оппонента и критика (за спекулятивность, абстрактность). Она делала акцент на объяснении исторических фактов путем подведения их под некий общий закон. В этом случае объяснение через закон становится доказательным и может считаться истинным. Основные идеи так называемой «подводящей теории» («теории охватывающих законов») были сформулированы еще в классическом позитивизме О. Конта и Дж. Милля, а сама она легла в основу аналитической философии истории, ставшей во многом правопреемницей пози-

тивистской методологии исторического познания. В той или иной степени эти тезисы поддерживались и развивались К. Гемпелем, К. Поппером, Э. Нагелем. Согласно позитивистским установкам, все индивидуальные (частные) случаи подводятся под охватывающие (универсальные) законы так, что производится логическая дедукция особенного явления из общего закона. По К. Гемпелю, главная функция дедуктивно-номологической модели объяснения состоит в необходимости появления определенных событий, объяснении того, почему они произошли [6].

Как отмечает М. А. Кукарцева, в рамках эмпирико-позитивистской традиции англосаксонской мысли «подводящая теория» была одной из кульминационных точек, она реализовала в философско-историческом знании математический стандарт научности, обслуживающий технику логических исследований истории, делая акцент на понятии научного объяснения [6]. Согласно этой теории, практика объяснения в истории полностью отвечает логике естественно-научного объяснения. Этот же момент отмечает в качестве значимого и белорусский историк Н. В. Смахович, подчеркивая, что неопозитивисты отказывают обществу и истории как процессу иметь собственные законы развития [7, с. 43]. При таком понимании исторический факт будет принимать форму высказывания, имея отношение скорее к логике научного языка, нежели к исторической реальности. Тогда методология истории призвана обеспечить моделирование таких исторических фактов и их последующую систематизацию при достаточном накоплении. Основным методом неопозитивистов, обеспечивающих получение истинного исторического знания, признавался метод эмпирической верификации: научно-осмысленной может быть такая теория, которая подтверждается эмпирическими фактами (для истории, источниками). Достоинством дедуктивно-номологического способа объяснения называют его возможности проникать «вглубь» явлений, их связей и отношений, а также его возможности производить формализацию этих связей с целью их максимально четкого понимания.

Идейно вырастая из наследия логического позитивизма, его положения переосмысливает и перерабатывает в авторскую концепцию «критического рационализма» К. Поппер. Он описывает применение принципа фальсификации при анализе исторического материала в противовес ограниченных возможностей применения принципа верификации. Так, научные теории представляют собой подлинные предположения – высокоинформативные догадки относительно мира, которые хотя и не верифицируемы, но могут быть подвергнуты строгим критическим проверкам, что и обеспечивает их научную истинность [7, с. 44]. Таким образом, любое научное знание носит лишь гипотетический характер и, как любая гипотеза, может быть подвержено ошибкам и искажениям, которые исправляются в ходе накопления новых знаний.

Позитивистские установки в историческом познании активно критиковались многими историками, философами, имеющими отношение к различным с методологической точки зрения научным направлениям. Так, на вопрос К. Гемпеля о том, существуют ли в истории универсальные законы, на которых может реализоваться дедуктивно-номологическая модель объяснения, К. Поппер отвечал по-своему. Он полагал, что в истории вообще действуют не законы, а тенденции, не имеющие универсального характера, а потому ничего не объясняющие. Если же и есть законы, то они принадлежат скорее к законам среднего уровня, т. е. ограничены рамками данного периода и потому опять-таки ничего не объясняют. Согласно К. Попперу, общие законы в истории тривиальны, по этой причине они не имеют четких формулировок, следовательно, эти законы опять-таки ничего не объясняют. Поппер был убежден, что прогнозировать исторические события на основе выявленной закономерности и известных обстоятельств можно только в границах замкнутых систем, т. е. систем, изолированных от спонтанных воздействий окружающего мира, обладающих инвариантным набором системных характеристик и инвариантной периодичностью изменения этих характеристик. Исходя из такого допущения, историческая действительность, включающая в себя человека как открытую систему, по определению не может рассматриваться как закрытая, а значит, возможности для научного прогнозирования в рамках исторического познания существенно сужаются.

Помимо этого, недостатком дедуктивно-номологического способа объяснения (при его абсолютизации) называют принципиальную непостижимость и невозможность научного осмысления целого ряда важных фрагментов объективной реальности, которые так или иначе связаны с опытом человеческого пребывания в мире и истории. Сознательно выбрасывая из рассмотрения исследовательского поля все то, что составляет неотъемлемую часть человеческой деятельности во времени (ценности, мотивацию, интересы), позитивистская историография, по сути, осуществляла своеобразное теоретическое «самооскопление». С точки зрения поставленных внутренних задач (перехода от описательно-повествовательной истории отдельных событий к строгой науке) подобная процедура ей была необходима, но с точки зрения истории историографии в целом данное методологическое положение выглядело абстрактным, не учитывающим все многообразие исторического процесса и оказалось не очень эффективным (как на это рассчитывали изначально). История нуждалась в поддержке иных исследовательских средств, что стимулировало поиск таких познавательных эталонов, которые, как казалось, более других способствуют историческому исследованию.

В определенной оппозиции позитивизму складывается марксистская концепция исторического познания, которая опирается на несколько базо-

вых положений. Одно из них гласит, что «история – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102]. Таким образом, принцип деятельности – один из ключевых для построения и применения в марксистской исторической эпистемологии. Понятие деятельности лежит в основе определения понятия практики в марксистской теории: практика как материальная чувственно-предметная деятельность человека, направленная на преобразование объектов действительности в соответствии с целями и потребностями человека; практика как социально-организованная деятельность, осуществляемая благодаря связям и взаимодействиям между людьми. Другое положение касается критики Марксом предшествующей традиции созерцательной историографии и сформулировано в «Тезисах о Фейербахе»: «философы лишь различным образом объясняли мир; задача же в том, чтобы его изменить» [9, с. 1]. Следовательно, критерием истинности научного знания (в том числе и исторического) выступает практическая деятельность людей. «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [9, с. 1]. Как пишет об этом Х. Уайт, «наука для Маркса – это преобразующее знание, преобразование природы в физической сфере, преобразование человеческого сознания и практики в сфере социальной» [3, с. 329].

В западной и отечественной историографии марксизм как методология исторического познания по сей день находит как своих сторонников, так и своих критиков. На постсоветском же пространстве, к которому относится и историческое поле белорусской традиции историографии, применение историками марксистской методологии было затруднено в силу негативного к ней отношения из-за предельной степени ее индоктринации в советские времена. Но это не единственная проблема, которая, скорее, лежит на поверхности. Другая проблема заключается в сознательно искаженной интерпретации марксизма, осуществленной В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». В советское время В. И. Ленина не принято было критиковать, а любые его высказывания рассматривались как истина в последней инстанции, это приводило к закреплению в теоретическом (и политическом) пространстве урезанной трактовки марксистского учения.

Так, белорусский философ, методолог В. Ф. Берков подробно рассматривает эту особенность в ряде своих статей, указывая на тот факт, что упущение советскими методологами и историографами из виду некоторых работ молодого Маркса («Тезисы о Фейербахе», «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» и др.) носило не случайный характер, а во многом определялось политической конъюнктурой того времени [10]. В. Ф. Берков допускает мысль, что В. И. Ленин в своем истолковании «Тезисов о Фейербахе», в частности, первого из тезисов, умышленно опускает понятие практики как отличительной черты нового понимания материализма [10, с. 71]. Тем самым разговор о сравнении «старого» и «нового»

материализма переводится в иную плоскость: «общественно-историческая практика, дающая возможность выделить созерцательный и практически действенный материализм, в ходе рассуждения у В. И. Ленина подмена методом мышления, позволяющим говорить о диалектическом и метафизическом материализме» [10, с. 72]. У Маркса же практика трактуется не только гносеологически, но и онтологически, у Ленина же этот второй важный аспект практики опускается, а указанная общая методологическая установка без существенных изменений была перенесена и на сферу гуманитарного образования [11].

Для марксистской историографии также важны принципы объективности и историзма. Маркс (к слову, как и Ф. Ницше) понимал и доказывал в своих работах, что не существует теоретического основания, свободного от ценностей, а значит, выбор историка между разными стратегиями объяснения и построения своей концепции не может быть объективно оправдан. Следовательно, просто «применить» к данным исторического поля назначенный критерий объективности недостаточно. В результате этого осознания, как отмечает Х. Уайт, возникает вопрос о том, что значит «объективность», само понятие объективности как таковой в марксизме историзируется [3, с. 324]. И этот факт может быть без сомнения занесен в заслугу марксистской теории исторического познания. Как и тот факт, что одна из особенностей исторического познания, которое отличает его от естественных наук, заключается в том, что в нем наблюдается качественное единство объекта и субъекта познания [12, с. 6–8]. Как отмечает И. П. Дементьев, «это приводит к тому, что оценочный момент (“пристрастие”) так или иначе присутствует в исторических исследованиях» [13, с. 8]. Это утверждение давно стало неким «общим местом», фиксируемым в качестве очевидного положения в подавляющем большинстве авторитетных учебников по истории историографии.

Р. Арон, критически переосмысливавший положения марксизма на уровне метанауки, усматривает точку теоретического напряжения данной теории в вопросе о том, как соотносить между собой две интерпретации марксизма, допускающие, с одной стороны, объективированную историю, а с другой – историю, направляемую реакцией людей на окружающую среду (в терминах марксизма – направляемую классовую борьбой). Ведь задача, которую ставил перед собой марксизм, состояла в том, чтобы найти надежное основание для того, чтобы история могла называть себя наукой. В возможности совмещения этих двух интерпретаций скрыта, по Р. Арону, проблема субъект-объектных отношений: каково соотношение между объективированной историей, подчиняющейся законам, и сознанием или волей людей [5, с. 24]. Во французской философско-исторической традиции оформились два направления, по-разному решающих эту дилемму. Экзистенциальный марксизм (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти) сделал ставку на

гуманистический марксизм, а объективированный марксизм получил свое развитие в трудах Л. Альтюссера.

Так, Л. Альтюссер, в противовес экзистенциальному марксизму Ж.-П. Сартра и М. Мерло-Понти, определял марксизм не как гуманизм, а как науку об истории, которая занимается объективацией исторического материала без использования методов естественных наук. Он хотел провести четкое разграничение между восприятием истории, которое каждый из нас может испытывать как субъект, занимающий определенное положение, и познанием истории. По Л. Альтюссеру, историк должен заменить воспринятую реальность научным объектом, который по своей природе отличается от непосредственного эмпирического опыта. Так, физический мир в физике – это не тот же чувственный мир, в котором мы живем; это сконструированный научный объект. Точно так же и история способна конструировать свой научный объект исследования. Л. Альтюссер прибегает к логике движения «от абстрактного к конкретному» и идее «единства многообразного». Чтобы понять научно-конкретную историю, необходимо обратиться к наиболее абстрактным понятиям, и именно на базе этих понятий возможна научная реконструкция конкретной действительности. С помощью этих понятий можно воссоздать и воспроизвести конкретное, т. е. целое. По Л. Альтюссеру, от разнообразия жизненного опыта к истинности целого можно перейти только через праксиологическое измерение (через действующего человека). По мнению аналитиков, марксизм Л. Альтюссера имеет в виду скорее метанаучную реинтерпретацию спекулятивной философии истории. Или, как сказал об этом Р. Арон, он дает «теоретическое обоснование возможной науки истории, которая еще не существует» [5, с. 57–58].

И позитивизм, и марксизм в своих теориях исторического познания стремились найти надежное основание для единства исторического знания и исторической науки в целом. Позитивизм видел это единство в сциентистской ориентации, нацеленной на «изгнание» из пространства научной теории всего, что не поддается верификации (ценностей, установок, идеологических компонентов), но, по итогу, в своих более поздних версиях неопозитивизма и аналитической философии истории приходит к обратному результату. Уже П. Гардинер и У. Дрей допускают различные варианты логики научного объяснения в исторической эпистемологии (объяснение не только «через закон», но и «через мотив», аналогия, генеалогическое объяснение, функциональное объяснение и т. п.). А значит, и набор критериев истинности исторического познания расширяется и признается с научной точки зрения доступным.

Что же касается философско-исторического наследия марксизма, то в той же школе «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) к его идеям относились с уважением. Школа «Анналов» идейно выростала на критике

позитивистской («событийной») историографии, которая была увлечена описанием исторических событий в ущерб возможности выдвигать гипотезы, ставить и решать проблемы. Увлечение в позитивизме эмпиризмом и фактографией, исключение многих сторон человеческой деятельности из исторического анализа давало повод М. Блоку называть состояние развития исторической науки в его время «эмбриональным» [14, с. 11]. В целом образовавшийся в позитивистской историографии разрыв между историческим знанием и историческим процессом в марксизме преодолевается через допущение о необходимой связи бытия и мышления, где первое определяет второе. Также можно вспомнить стремление марксистов связать воедино научное пространство естествознания и социально-гуманитарных наук и их убежденность в получении объективного знания о человеке и социальном развитии. Идея реконструкции в историческом знании тотального конкретного целого была близка и школе «Анналов». Опираясь на идею Э. Дюркгейма и А. Берра об «историческом синтезе» путем организации междисциплинарных исследований, М. Блок и Л. Февр ставили перед собой задачу создания всеобъемлющей, синтетической, «глобальной» истории, охватывающей все стороны жизни человека [15, с. 43]. Для того чтобы реализовать поставленную задачу, предлагалось устанавливать тесные контакты и взаимодействие с другими науками, в первую очередь науками о человеке. Все это сближало стремления марксистской историографии и школы «Анналов», заложившей впоследствии основание французской традиции «новой научной истории». М. Блок, а особенно Л. Февр отстаивали широкие познавательные возможности истории. Они исходили из допущения, что «природа, а в ней и человек, как часть природы и объект истории, познаваемы и объяснимы» [15, с. 45].

История обладает своими методами установления истины. Изучая следы прошлого, она вполне способна создавать его правдивую картину. Но требовать от нее одной единственной исторической истины при принципиальном множестве восприятий одной и той же исторической ситуации и неустранимой «идеологичности» исторического знания не представляется возможным. По Р. Арону, единство истории вытекает из метода, из постановки вопроса или перспективы, а не из объекта исследования [5, с. 62]. Из этого следует, что человеческое прошлое не представляет собой абсолютное единство и неизвестно нам как единое целое. Соответственно, историю можно излагать и как хронологическую, и как смысловую целостность.

Остается открытым вопрос, на основании чего вырастает prerogativa одного из восприятий называться истинным. Отвечая на этот вопрос, традиция философско-исторической перспективы, идущая от Гегеля, делает ставку на реализацию новых возможностей гуманизации человечества («признание человека человеком», преодоление «отчуждения», реализацию «подлинной intersубъективности» и т. п.) во всей ее конкретно-

исторической тотальной целостности. То есть неэпистемологический (аксиологический, метатеоретический, социокультурный) критерий определяет эпистемологический критерий истинности исторического знания, еще раз подтверждая разрабатываемый в марксизме тезис о необходимой связи исторической теории с историческим процессом.

Список использованных источников

1. Мегилл, А. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / А. Мегилл // Эпистемология и философия науки. – М.: Канон+, 2008. – Т. XV, № 1. – С. 53–59.
2. Эпистемология и философия науки. – М.: Канон+, 2008. – Т. XV, № 1. – С. 62–82.
3. Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт; пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
4. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. – М.: Прогресс-VIA, 1993. – 187 с.
5. Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс; пер с фр. / Р. Арон; отв. ред. и автор послесл. И. А. Гобозов. – 3-е изд. – М.: Книж. дом «ЛИБ РОКОМ», 2012. – 336 с.
6. Кукарцева, М. А. Современная философия истории США [Электронный ресурс] / М. А. Кукарцева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. – 215 с. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/Biblio/kukartzeva/kukartzeva_intro.htm. – Дата доступа: 25.12.2022.
7. Смехович, Н. В. История и метод / Н. В. Смехович. – Минск: РИВШ, 2004. – 287 с.
8. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во пол. лит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 2. – 1955. – 651 с.
9. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во пол. лит. лит-ры, 1955–1974. – Т. 3. – 1955. – 629 с.
10. Берков, В. Ф. Судьба работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» в советской философской литературе / В. Ф. Берков // Социология. – 2016. – № 1. – С. 69–75.
11. Новак, Ю. В. Марксизм в историографии: «оставить нельзя отказаться» / Ю. В. Новак // Аграрна галузь сучасної України: проблеми та перспективи розвитку: зб. матеріалів І Міжнар. наук.-практ. конф., 14 трав. 2021 р. / Ін-т модернізації змісту освіти, Луган. нац. аграр. ун-т, Проект USAID «Економічна підтримка Східної України». Ун-т Вітовта Великого, Білорус. держ. аграр. техн. ун-т [та ін.]. – Слов'янськ, 2021. – С. 431–436.
12. Ковальченко, И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах / И. Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 3–33.
13. Историография истории Нового времени стран Европы и Америки: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / А. В. Адо [и др.]; под ред. И. П. Дементьева. – М.: Высш. шк., 1990. – 512 с.
14. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
15. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: учеб. пособие для студентов / И. П. Дементьев, А. И. Патрушев. – М.: Простор, 2000. – 432 с.

(Дата подачи: 25.02.2022 г.)